

Хотя сам **Валентин ГНЕУШЕВ** так не считает. Для него все это норма жизни: и сигары, и жена-француженка, и — с другой стороны — патологическая любовь к России. И еще какое-нибудь словечко из ненормативной лексики, которое он может вставить в нужном месте и так, что сие кажется очень даже нормативным, а кроме этого словечка в данное предложение никакое другое не впишется, а если и впишется, то будет лишь бледной словесной амебой.

Ну вот, пожалуйста. Он сидит у себя в кабинете в цирке на Цветном бульваре. Ноги на столе. В руке — сигара. Он говорит о Вознесенском, Высоцком, потом переходит к Чайковскому. Телефон разрывается. Гнеушев умудряется смотреть телевизор, корчить рожи, бурно общаться с собеседником на том конце провода, закрывать трубочку ладонью и: "Это такой-то, такой-то!" (уже в сторону, зашедшему коллеге) — потом вернуть в телефонную трубку фразу типа: "О да, вид на Ниагару из Канады гораздо лучше, чем из Америки". Каждые пятнадцать минут он "забывает стрелки" разным людям. По всему миру. При мне ему звонил один крутой бизнесмен из Торонто — долго решали, где встретиться: в России, Америке или Монте-Карло. Потом еще кому-то встреча — в Китае. Потом еще — во Франции. А потом ему позвонила французенка-жена. Из Москвы. Ждет к ужину, Валентин выясняет, что там на ужин: "А такие-то заедут? Ну, тогда только водочку из холодильника! Что? Порто? Португальское Порто?" — и далее на смеси баскско-французского. Вроде "ужинайте без меня, bon appetit!". Ване Демидову позвонил, оставил massage на английском. Следующий — фотограф Клавихо. Обсудили одну ну очень известную актрису. Да так, знаете ли, чисто по-мужски обсудили, что я только рот открыла.

Но главное-то, главное! Главное — его парадокс: имя Гнеушева, давно гремящее по всему миру, только недавно зазвучало в обожаемой им Раше. И как зазвучало!

— Вы хотите сказать, что теперь меня знает каждая собака?

Не только это: дело все в том, что неизвестная доселе в России профессия (режиссер и постановщик цирковых программ и зрелищ, которые он называет на иностранный манер "шэо-о-у") плюс многомиллионные (в долларовом исчислении) проекты по всему миру, плюс его креативность и энергичность, плюс все, что вы прочитали выше про русский дух, — сделало Гнеушева легендарной личностью. Так считают наши отечественные деятели культуры: и Никулин, и Табаков, и Волчек, и Гафт, и Быков. Многие называют его "личностью XXI века". Но это относится больше к его творчеству..

Почему он здесь, а уже не там

— Я стал известен каждой собаке благодаря цирку. Цирк — это массовое искусство. Искусство для большого круга. И дело в том, что, представляя Старый цирк — один из лучших цирков если не всего мира, то России уж точно — ни Юрий Владимирович Никулин, ни я не хотим, чтобы зрелища были усредненными. Я ведь делаю это не для себя, я это делаю для того, чтобы утвердить выздоровление нашего общества, России. Я представляю интересы в свое время проклятой страны. Такой вот гражданский пафос. Понимаешь... У меня интерес в том, чтобы наше искусство не только представлялось за рубежом, а чтобы и наши люди его могли видеть. Как когда-то Лиопу в Москве и Нуриева в Санкт-Петербурге. Мы слишком долго не могли оценить по-

тенциал наших людей, поэтому они уезжали. И мы уже не видели ни Лиопу, ни Нуриева. Поэтому я уже не хочу никаких Парижей, никаких Америк. Я хочу Москву, Россию. У меня ведь вообще своя история: меня открыли буржуи, они меня вытащили из социума, из советского искусства, где "творцов мало, а растворителей больше"; и вот, только состоявшись за границей, я приехал сюда.

Сам о себе и сам по себе

— Я рассматриваю себя так: если хорошо и талантливо, значит, это должно быть понятно всем. Ну никто же не скажет, что музыка Чайковского плохая. А разве можно сказать, что Стравинский тяжелый композитор? Может быть, я слышком эгоистично к себе отношусь, но мне кажется, что последнее пристанище сложной природы — это простыня (**ставит ударение на "ы"**). — В.С.) Цирк является сложным искусством. Я все это говорю

ЧЕЛОВЕК — HARD BALLS

моск. комсомолец - 1996 - 10 окт. - с. 4

(ПЕРЕВОД СМОТРИ НИЖЕ)

У стильного эстетствующего мужчины в самом что ни есть расцвете сил непременно должны быть любимые сорта сигар и несколько жен (преимущественно заграничного происхождения). Это все как бы не имидж — вовсе нет. Обыкновенный стиль жизни.

Аристократизм русского человека, поносящего (выражаясь языком сегодняшнего героя "Сударя") предпринимчивость японцев и холленость Америки, — это почти как неизвестная человечеству болезнь. Аристократизм и русский человек — ну, дорогие друзья, это две настолько не пересекающиеся плоскости, что прямо становится. Поэтому в России встречающиеся индивидуумы типа Гнеушева (о ком, собственно, я и веду спич) называются стильные эстеты, а не русские аристократы.

О себе он говорит, ухмыляясь: "Я — это неуверенность в себе, цинизм, хамство. И уверенность. Мне ведь до сих пор кажется, что я не состоялся. Да и вообще, быть знаменитым некрасиво".

Но, между нами, Гнеушев гордится одним высказыванием известной французской светской журналистки в свой адрес: "Существует цирк и существует вне зависимости от него Валентин. Сам по себе".

— Шумиха вокруг меня в России началась в 88-м, с Виктюка, с которым я работал над спектаклями. Я этим не очень-то горжусь. Дело в том, что все, что я делал в цирке, — это гораздо выше и профессиональнее театра. Потому что цирк — это искусство высокого философского обобщения, в отличие от театра. Вот почему Шекспир был так интересен "На Таганке"? Потому что все шло на Высоцкого в роли Гамлета. И никакая проблема Гамлета была ни при чем. Просто принц Вы-

диль продюсера в необходимости именно такого проекта и именно на такую сумму. Только богатая натура может позволить себе дорогостоящие проекты. А я себя не считал бедным. Я считаю, что я вкладываю свое творчество в генофонд своего отечества. Представляешь, вот сбегут все отсюда к чертовой матери — и что останется? Одни чавкающие люди, что ли? Мадонна и Майкл Джексон? Я этого боюсь, потому что мне обидно за Россию.

— У каждой страны свой менталитет. Японцы хотят одного, американцы — другого. Что хочет Россия? Россия сегодня хочет видеть красочное русское шоу. Американская, английская и прочая западная поп-культура уже не нужна. Всем хочется Стравинского, Чехова, храма Христа Спасителя. Русского. Пришло это время.

Разочарования

— Единственно, в чем я разочаровался, — в людях. Чем больше для людей делаешь, тем они дальше от тебя находят. Они становятся звездами. Они становятся холодными. Высоко светят, но холодно. И такое — everytime. Я вот займусь менеджментом для тебя, и ты станешь ведущим журналистом CNN, ты же перестанешь мне звонить. (**Не факт, конечно. — В.С.**)

— Я никого не обвиняю — все зависит от воспитания. Другое дело — дружба. Дружба есть дружба. Неважно, мужская ли, женская. Дружба не строится на взаимовыгодных отношениях. Дружба — это разновидность любви, только надолго и более надежная.

Немного светское

— У меня несколько любимых сортов сигар. "Монте-Кристо", кубинские сигары. А вообще, почему ты об этом спрашиваешь? Ну да, жена-француженка. Есть сын — два года восемь месяцев... (Я очень люблю своих детей. Да, в принципе, можно так сказать — "своих детей". Сколько детей? Ну, не мало, да...)

— **А вот эти светские вещи, типа сигар и французской утонченности, помогают ли вам в творчестве?**

— У меня и без того много отличных учителей, я у них и черпаю идеи — вот, видишь, альбомы Пикассо лежат. Последние каталоги Версаке. Или — Недели высокой моды. Выставки. Недавно был в бутикотке Готье. Так, посмотрел — ничего не понравилось.

Формула Казановы

— А вообще, я такой везунчик! Докапаться до назначения главным режиссером лучшего цирка — это, я считаю, вершина. Если упаду — это будет самое большое разочарование. Все, чего я добился, далось, в принципе, легко. Гораздо тяжелее удержать и соответствовать. Когда мне было 16, я был влюблен в одну очень красивую девушку, но я не был красив и не был богат, и мама мне говорила: "Поймай жар-птицу трудно. Но гораздо труднее удержать и содержать ее". Да, я поймал сейчас свою жар-птицу. Теперь нужно удерживать: работать и работать. Хорошо работать.

Но уж не нужно думать, что я нахожусь в какой-то эйфории от всего, что делаю. Я чаще всего недоволен собой. Если, например, публике непонятно что-то, значит, я виноват. Значит, нужно работать. Это как формула любви Казановы: сначала доставь удовольствие партнеру, и уже от этого получишь удовольствие сам. Я получаю удовольствие только, когда удовольствие получает публика.

Вика САРЫКИНА.

только к тому, что каждый может поднять свою профессию до уровня отечественной культуры. Задача каждого ремесленника — соответствовать уровню своих принципов, понимаешь?

Вот Юрий Владимирович Никулин — выдающаяся личность. Его парадокс в том, что он понятен всем и для всех велик. Или Жан Габен... Это все образцы людей — ну, только в хорошем смысле — "людей-Hard balls". Я себя таким пока еще не считаю. Хотя хотелось бы. Но даже если бы я произвел такое впечатление — уже было бы приятно. (**"Man-Hard balls" [возможен перевод "мужчина-твердые яйца"] — это американское выражение. В русском варианте — ну, что-то типа "настоящий мужик, человек со стержнем". — В.С.**)

соцкого в лицемерном обществе — проблема несвободного человека с рвением к свободе. Вот и все. А я за открытость человеческих натур. В цирке нет драматургии, в цирке — фантастическая реальность личности. И я ишу уникальные способности у артистов и возвожу их до поэтических метафор. Я сейчас так говорю — кошмар прямо! (**Последняя реплика отсылась не к диктофону. — В.С.**)

Творчество

— Все проекты мне даются кровью. Но самое тяжелое — найти язык с артистами. Один знаешь, что сказал? "Вы горький, но полезный, как лекарство". Я такой оттого, что хочу, чтобы всем было понятно, чего я хочу. Всегда трудно убе-